

Критика 70-х гг. XIX века / Составление и примеч. С. Ф. Дмитренко.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

OCR Бычков М. Н.

Недавно вышел "Концентрический учебник французского языка" (Игнатовича), в котором автор посвятил несколько уроков особенностям французской синтетической конструкции, состоящим в многообразных отступлениях от обыденного порядка речи. Благодаря этому учебнику, устраняется множество затруднений, встречаемых учениками при переводе французских текстов. Когда я перелистывал этот учебник, мне пришла следующая мысль: вот, думал я, было бы недурно, если бы кто-нибудь составил для русской публики учебник, с помощью которого устранялись бы затруднения, встречаемые этой публикой в многообразных отступлениях того или другого писателя от обыденных интеллектуальных порядков. Как ни ограничен у нас круг (два-три и обчелся) писателей, представляющих собою "отступления от обыденного порядка", тем не менее, -- дело не в количестве, а в качестве этих писателей, -- такой учебник весьма желателен. Раз имелся бы этот учебник, мы не присутствовали бы при таком комическом недоразумении, какое, напр., случилось в нашем обществе по поводу "Благонамеренных речей" г. Щедрина. А г. Щедрин представляет собою одно из видных "отступлений" в нашей литературе. Отсутствие желанного мною "учебника" сделало из г. Щедрина, в глазах общественного мнения, какого-то литературного *enfant prodigue*¹, не поддающегося никаким прокрустовым ломам. Может быть, читатель помнит, что эта за штука такая -- прокрустово ложе? Ложе это получило свое название по имени своего основателя Прокруста, который укладывал встречного и поперечного на это ложе, и ежели встречный оказывался длиннее ложа, то Прокруст отрубивал такому встречному ноги; ежели же жертва оказывалась короче ложа, то Прокруст ее вытягивал. Такую же операцию делают с г. Щедриным наши литературные Прокрусты, вытягивают и урезают его, но *enfant prodigue*, несмотря на вытягивания и урезывания, остается при своем оригинальном росте, приводя прокрустов в неописанное смущение. Почти всех наших писателей литературные Прокрусты разместили по этим ломам. И хотя некоторые из размещенных энергически протестуют против этого насилия, но протест их не достигает цели. Так, помнится мне, г. Тургенев категорически протестовал несколько лет назад против прокрустов, укладывавших его на ложе, но гласу протестующей жертвы Прокрусты не вняли. Не то мы видим с г. Щедриным. Его в одно время и вытягивают и урезают и, наконец, приходят к заключению, что он представляет собою такое "отступление", с которым ничего не поделаешь. Бросив этот *coup d'oeil*² на мартовскую книжку "Отечественных Записок", я спешу перейти к г. Щедрину, которому я уже давно хотел посвятить один из своих журнальных очерков. И хотя, строго говоря, у меня для этого не имеется никакого *a propos*, так как картинка провинциальных нравов: "Он!!!"³, помещенная в № 3 "Отечественных Записок", слишком слабое основание для этого посвящения сатирику целого фельетона, но говорить о г. Щедрине значит быть *toujours le bienvenu*⁴. "Он!!!" представляет собой новые вариации на старую *помпадурскую* тему. Вот почему я сегодня должен в третий раз употребить выражение "*est modus in rebus*"⁵, упущенное из виду и нашим сатириком. В новом его произведении рассыпаны блески остроумия, но *помпадурская тема*, так же как и известная шкурка, не стоящая выделки, не стоит этих блесков. Проводы упраздненного помпадура, плохенького, но смирененького и дешевенького (не лыком шит, говорили про него обыватели, но зачем нам помпадуры щегольской работы!), описаны автором с неподражаемым юмором. Затем мы распрощаемся с мартовской книжкой и обратимся вообще к литературной деятельности г. Щедрина. Деятельность эта ведет свое начало с 1848 г., когда г. Щедрин выступил на литературное поприще с повестью "Запутанное дело", которая принесла автору большие неприятности, хотя, предварительно своего появления в свет, она прошла цензурную инстанцию. Автор *volens-nolens*⁶ поселился в провинции, где и почерпнул массу материалов для своих знаменитых "Губернских очерков", появившихся в 1856 г. в журнале "Русский Вестник". "Губернские очерки" сразу доставили громкую известность своему автору, раскрывавшему, очерк за очерком, наши, как тогда любили выражаться, "общественные раны". "И публика смеялась много, смотря на эту ерунду"⁷, так сформулировал свое мнение об "Очерках" один из тогдашних критиков. Пусть этот отзыв ляжет пятном если не на совесть, то, по крайней мере, на мыслительную способность критика. Что же касается того, что "публика смеялась много", то автор "Очерков" мог сказать этой публике словами Гоголя: "Чему